

ТОЛСТОЙ И ТЕАТРЪ.

Въ воскресенье Литературно-Художественный кружокъ устроилъ второй вечеръ, посвященный памяти великаго яснополянскаго мудреца. Программу вечера, собравшаго громадную публику, составили воспоминанія о Толстомъ людей или ему очень близкихъ, какъ хотя бы Н. В. Давыдовъ, дружба котораго съ Львомъ Николаевичемъ измѣряется по меньшей мѣрѣ тридцатью годами; или приходившихъ съ нимъ въ соприкосновеніе.

Случилось такъ, что на этотъ разъ въ воспоминаніяхъ очень большее мѣсто занялъ Толстой-драматургъ и его отношенія къ театру, къ актерамъ. Почти сплошь были заняты этими темами тотъ очень интересный очеркъ, который прочиталъ г. Давыдовымъ, и много замѣчаній объ отношеніяхъ Толстого къ театру—въ прекрасно составленномъ и отлично, съ большою яркостью, прочитанномъ очеркѣ А. В. Пингера.

Уже какъ-то сообщалось въ печати, что Н. В. Давыдовъ, долгое время жившій въ Тулѣ, бывшій тамъ прокуроромъ окружнаго суда, далъ Льву Толстому сюжетъ и для «Власти тьмы», и, много позднее, для «Живого трупа», изъ-за котораго кипитъ теперь между театрами цѣлая война. Оба раза сюжетъ былъ почерпнутъ Давыдовымъ изъ слѣдственнаго матерьяла по проходившимъ черезъ его руки уголовнымъ процессамъ. То, что Толстой потомъ съ гениальной силой, глубиной и красотой возродилъ въ «Власти тьмы», имѣло мѣсто въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, въ Черскомъ уѣздѣ. Весь остоу драмы взятъ изъ дѣла. Не было въ дѣйствительности лишь отравленія перваго мужа Анисы. И, наоборотъ, не перенесъ Толстой въ свою драму одного мрачнаго эпизода. Когда тронулся уже въ путь свадебный повѣздъ, Никита, (въ дѣйствительности, онъ носилъ иное имя), вдругъ крикнулъ: «стой, стой, возьми съ собой

и ребенка». И пошелъ было, чтобы откопать трупъ. Тутъ бросилась къ нему Анютка, ѣжно его любившая, зарыдала. Никита схватилъ коль и ударилъ дѣвочку съ громадной силой. Та упала замертво. Къ счастью, оказалось, что она лишь контужена. Никита не отрицалъ, что хотѣлъ ее убить, и хотѣлъ онъ сдѣлать это изъ жалости, чтобы спасти чистую, дѣтскую душу отъ неизбежно ожидающей ее въ будущемъ грязи и грѣха. Никиту судили за убійство ребенка и приговорили къ нѣсколькимъ годамъ каторжныхъ работъ. Давыдовъ видѣлъ его послѣ суда. Повидному, Никита былъ доволенъ приговоромъ, говорилъ, что наказаніе дастъ ему право продолжать жить.

Подъ сильнымъ впечатлѣніемъ этого процесса и его главнаго героя, Давыдовъ рассказалъ объ немъ Толстому, и тотъ чрезвычайно заинтересовался, былъ захваченъ этой картиною постепеннаго паденія души человѣческой и затѣмъ ея просвѣтлѣнія. Толстой тогда же отправился въ тюрьму, былъ допущенъ къ протогину Никиты, разговаривалъ съ нимъ долго. Кстати, Толстой вообще часто бывалъ въ тюрьмахъ, и, какъ рассказываетъ Давыдовъ,—смотритель Крапивенской тюрьмы даже чуть было не лишился мѣста за то, что допустилъ великаго писателя въ тюрьму. И пришлось пустить въ ходъ всякія хитрости, чтобы отклонить отъ смотрителя нависшую надъ нимъ кару.

Толчкомъ къ написанію «Плодовъ просвѣщенія» послужилъ рассказъ Давыдова о московскихъ спиритахъ, совершенно серьезно и искренно вѣрившихъ въ реальность спиритическихъ явленій. Толстой отнесся къ спиритизму рѣзко-отрицательнымъ образомъ, говорилъ, что тутъ—только обманъ или самообманъ, и удивлялся, какъ могутъ быть люди, которые даже пытаются научно обосновать свою вѣру въ спиритическія явленія.

—Какъ изъ моей палки, съ которою я гуляю, не можеть потечь молоко, такъ не можеть быть и того, о чемъ они рассказываютъ,—вотъ приблизительно точный его отвѣтъ на рассказъ.

Однако Толстой не отказался присутствовать на спиритическомъ сеансѣ, который и былъ устроенъ въ квартирѣ А. Л. Львова, въ присутствіи, Льва Николаевича, П. Ф. Самарина, Давыдова, нѣкот. друг. Сеансъ совершенно не удался, обманъ былъ ясенъ и грубъ. Вскорѣ затѣмъ Толстой набросалъ нѣсколько сценъ, отражавшихъ его впечатлѣнія отъ спиритическаго сеанса. И ужъ потомъ, по просьбѣ дочерей Марьи и Татьяны, переработалъ эти наброски въ комедію для любительскаго спектакля въ Ясной Полянѣ. Объ этомъ любительскомъ спектаклѣ, которымъ режисировалъ Давыдовъ, и который былъ затѣмъ повторенъ въ Тулѣ, въ пользу только что тогда открывшагося тульскаго приюта для малолѣтнихъ преступниковъ, уже появлялись прежде сообщенія въ печати; можно ихъ найти, между прочимъ, и въ вышедшемъ года два назадъ Толстовскомъ «Альманахѣ». Потому не станемъ повторять извѣстное. Но вотъ одна любопытная подробность, о которой

раньше не было известно. После большого успеха «Идиотъ» у любителей, Толстого убедили отступить от первоначальнаго его рѣшенія и дать пьесу русскому обществу. Проводить ее въ цензурѣ поѣхалъ въ Петербургъ Давыдовъ. Какъ онъ рассказываетъ, пьеса прошла очень легко и быстро цензурные пороги. Повидимому, причиной было то, что пьесой заинтересовались въ высшемъ петербургскомъ кругу. — «Меня попросили, — говоритъ Давыдовъ, — дать комедію для прочтенія, и комедія понравилась». Вскорѣ затѣмъ послѣдовало и цензурное разрѣшеніе.

Теперь уже стало известно содержаніе «Трупа». Опять, весь остовъ заимствованъ Толстымъ изъ данныхъ судебного дѣла, на которое обратилъ его вниманіе Давыдовъ. Какъ и въ пьесѣ, герой дѣйствительности, пьянствомъ доведенный до дна жизни, симулируетъ самоубійство, чтобы дать свободу женѣ, сдѣлать возможнымъ для нея новый бракъ. Онъ посылаетъ соответствующее письмо женѣ, та передаетъ письмо полиціи, и въ подтвержденіе письма на утро полиція находитъ на берегу платье мужчины, а въ карманѣ его — паспортъ на имя даннаго лица. По странному стеченію обстоятельствъ, въ тотъ же день въ рѣкѣ нашли мужской трупъ. Такъ случай увеличилъ правдоподобіе замысла. Потомъ мнимый утопленникъ опустился еще ниже, мыкался по притонамъ, былъ всегда пьянъ. И разъ, подъ пьяную руку, чѣмъ-то задѣтый собутыльниками, сталъ хвастаться, что онъ — совсѣмъ не то, за что его считаютъ, что онъ — трупъ, что его давно похоронили и т. д. Одинъ изъ слушающихъ предалъ «живой трупъ» въ руки полиціи, та отправивъ «бѣлаго утопленника» подъ арестъ, выросло дѣло, по обвиненію его жены въ двоемужествѣ, его самого — въ соучастіи, по 1554 ст. Улож. о наказ., грозящей лишеніемъ особенныхъ правъ и многолѣтней тюрьмой. Дѣло разбиралось въ палатѣ (въ толстовской пьесѣ ошибочно перенесено оно въ окружный судъ), и супруги были обвинены. Но палата обратилась съ прошеніемъ на Высочайшее имя, и они были помилованы.

Познакомившись съ этимъ исключительнымъ дѣломъ, Толстой и обработалъ его матеріаль въ драму. Какъ-то объ этомъ проникли свѣдѣнія въ печать, — и черезъ нѣкоторое время къ Толстому явился «живой трупъ», подробно рассказалъ ему свою жизнь. На Толстого онъ произвелъ громадное впечатлѣніе, и Толстой рѣшилъ во многомъ передѣлать свою драму, въ согласіи съ тѣмъ, что узналъ отъ протѣпа его «живого трупа». Но осуществилъ ли Левъ Николаевичъ эту свою мысль, переработалъ ли драму, или она такъ и осталась въ прежней, не удовлетворявшей автора редакціи, — вчерашній докладчикъ не знаетъ.

За недостаткомъ мѣста, изъ того интереснаго, что рассказывалъ г. Цингеръ и что имѣетъ прямое отношеніе къ театру, отмѣтимъ лишь одно. Толстой былъ на генеральной репетиціи «Власти тьмы» въ Маломъ театрѣ, и на него произвела очень сильное впечатлѣніе дѣвочка Егорова, игравшая

Анютку. Но, придя съ репетиціи домой, Толстой задумался, потомъ сказалъ:

— Отлично играетъ Егорова, а все-таки пускать дѣтей на сцену не слѣдуетъ. Это все равно, какъ если бы я сталъ писать портретъ генерала и сталъ дѣлать ему эполеты и пуговицы изъ настоящаго золота.

Между прочимъ Цингеръ рассказываетъ, какъ привезъ къ Льву Николаевичу Станиславскаго, и К. С. упрасивалъ Толстого, какъ-нибудь такъ передѣлать «Власть тьмы», чтобы не было антракта между двумя послѣдними актами. Толстой передѣлывать отказался, не сказалъ, что напередъ даетъ свое одобреніе всякой передѣлкѣ.

Н. Е.